

АЛЕКСЕЙ ГАЛКИН

МОЗАИКА

СТИХИ И ПОЭМЫ

Алексей Галкин

Мозаика. Стихи и поэмы

«Издательские решения»

Галкин А.

Мозаика. Стихи и поэмы / А. Галкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853775-2

Стихами я начал заниматься давно. Частенько желание выплеснуть свои мысли, не вмещающиеся в песенный формат, не оставляло выбора. Некоторые зарисовки могут шокировать читателя, но уверяю вас, что это обычные мальчишеские шутки и с возрастом это пройдёт. Буду доволен безмерно, если что-то заставит вас улыбнуться, а что-то задуматься. Надеюсь, удовлетворение будет взаимным.

ISBN 978-5-44-853775-2

© Галкин А.
© Издательские решения

Содержание

Стихи	6
Времена года	7
Семь неразлучников	8
Άλφα	8
1. Γαστριμαργία (чревоугодие)	9
2. Πορνεία (прелюбодеяние)	10
3. Φιλαργυρία (алчность)	11
4. ζηλεύω (зависть)	12
5. Όργή (гнев)	13
6. Περιφάνια (гордыня)	14
7. Άκηδία (уныние)	15
Ωμέγα	16
Диалог с киской	17
Если бы...	18
Читая Иосифа Бродского	19
Прогноз погоды на первое июня	20
Счастье	21
Моей маме	22
Птица-ворон	23
По прочтении Фредерика Стендаля	24
Гололёд	25
Edgar Allan Poe	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Мозаика

СТИХИ И ПОЭМЫ

Алексей Галкин

© Алексей Галкин, 2017

ISBN 978-5-4485-3775-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стихи

Времена года (Этюд)

Февраль фатальный фейерверком фыркнул,
По-детски подметя позёмкою посёлки,
Смолу сосны, сны, сонные светёлки,
Спел соло снегом съёжившимся, сгинул...

Весна впорхнула, веселясь влюблённо:
Токует тетерев, трясутся трясогузки,
Сияет солнце светом светлоусым,
Поёт песняк пластинкой патефонной...

Лягнуло лето лавою Липари,
Жара жалежкой жидко жалобно жаргонит,
Весёлый ветерок ваяет, воеет,
Природа подгорела, подустала...

Льёт ливень ледяной, лаская лица,
Опять октябрь окно открыл, отбросив осень,
Краснеет клёна кисть, колдует космос...
Стучится снова снег... Слеза сочится...

Семь неразлучников

*«Все семь смертных грехов
довольно ничтожны,
однако, как минимум без трёх из них – праздности похоти
и тщеславия, была бы невозможна поэзия»
Владимир Набоков.*

А́лфа

Похожа семёрка хвостов на петлю,
И наглые рожи, и кровь с языка,
Я их отгоняю, им в морды плюю,
Но крысы ползут, как солдат на врага,
Прижавшись к паркету, слюной дорожа,
Целуют портрет мой, а в раме – Душа.
Им хочется клацнуть зубами портрет,
Но знают: «Напрасно...», души в раме нет:
Одна оболочка. Душа – в темноте ль?
В любви порочной! В бокалах вина!
В тщеславии сочном!.. Беззвучная трель
Пичуги восточной... И чья в том вина?

1. Гастритару́га (чревоугодие)

Мёд ли, икра чёрная,
Всё смешалось с чётными
Числами, нечётными,
В ночь новорождёнными
Мыслями точёными
В чрево заключёнными:
«Нужно положить на зуб,
Чёрный хлеб и колбасу,
Пугассу, азу, кинзу,
Что б унять в желудке зуд.
Я, иначе, не усну,
Будет пьянка или блуд!»

2. Πορνεία (прелюбодеяние)

Глазки-незабудочки маются, смущаются,
Только в ротик водочки, ждите продолжения,
Я ж не деревянный конь, сразу соглашусь я,
Сочинить комедию Лёшки-положения.
Разгулялись барышни: коньячок, шампанское,
Скинули юбёнки враз, и пошло веселие...
Но крысиный серый глаз хитро на шалав каскад
Зрит, гад, на комедию лёжки-положения.

3. Φιλάρυρία (алчность)

Девки в сундук полезли,
Рубль достали, извольте,
Он один – бесполезен,
Он один – рыбке зонтик.
Серым хвостом скользнула,
Мелочь, в тумане блёклом,
В сердце моём проснулась
Жадность, с крысиной мордой.
Как же, копил, гопсечил,
Дамы желают грошей,
За сексуальный вечер
И за свою хорошесть.
Вихрем взлетел с дивана
Двинул по харям снизу,
Нет, конечно, не дамам,
Серым усатым крысам.
Алчность притихла сразу,
Девки от крыс – в сторонку...
Так закончился праздник
Тела, души, водчонки.

4. ζηλεύω (зависть)

Утром вылез из постели,
Словно бомж обгаженный,
Будто я судьбой расстрелян
Иль на кол посаженный:
Всё болит, во рту опилки,
Колокольный звон в ушах,
И на дне пустой бутылки
Втихаря скулит душа.
Только сердце беспокойно:
Ноет, мается в груди:
«Мне хотя б одеколона,
Что б с ума бы не сойти!
Как же всем живётся сладко:
И соседям и друзьям,
Коньяки пьют, шоколадки
В рот кидают по утрам,
Днём – работа, ближе к ночи
Собираются семьёй
Фильм посмотрят, пострекочут
Про сюжет, и на покой.
Как же людям повезло,
Что б их всех разорвало!!!»

5. 'Ορυή (гнев)

Что б их всех разорвало!
Боже!
Пот на лбу и потекло
С рожи.
Будто майский шустрый шмель
В теле:
Глазки в пол, в окно, в постель,
В телек.
Разорвать друзей, врагов
Сирых,
Я готов за семь глотков
Спирга...
Но хихикают, блажат
Крысы,
От бессовестных тирад,
Мыслей.
Ядом с губ ползёт слюна,
Пеной,
Потравил всего меня
Гнев мой,
Но сдаваться не привык
С грустью,
И запел во мне мужик
Русский.

6. Περρφάνια (гордыня)

1.

Ой, вы годы, мои годы,
Солнце ясное,
Девки водят хороводы
Не напрасно ведь.

2.

Я – красив, умён, воспитан,
Солнце ясное,
И в веселье ненасытен
Безобразном я.

3.

Эстетично всё, пригоже,
Солнце ясное,
Боже, очень я хороший,
Распрекрасный я.

4.

Но запала в сердце смута,
Солнце ясное,
Может, я по жизни мутный:
Раз сам за себя.

5.

Ноет сердце отчего-то,
Солнце ясное,
Водят девки хороводы,
Ясно, на смех ведь.

7. Ἀκηδία (уныние)

Взгляд прикоснулся к раме портретной,
Утихомирились чванство и алчность:
Я не художник и не поэт я,
Что мне хорошего в жизни осталось?
Тихо встречать ту, которая в белом,
Сладко шепнёт, что оттикало время?
Будто в театре спектакль посмотрел я —
Славные люди томятся на сцене —
Занавес дёрнулся. Кончилось время.
Райские птицы с плеча, к своей цели
За облака, за мечтой отлетели.
Вышел в фойе, где портреты актёров,
Скрипнула рама струной контрабаса,
Глянул на раму, а в ней крысья морда,
– Автопортрет, – прошептал кто-то сразу,
Это не кто-то, а рот мой, сознание
Раздухарились и взбунтовались...
То не пижонство и не зазнайство,
Просто сказали, чего ждать осталось.

Ωμέγα

Это – не исповедь, не расчленение
Храма моей души —
Красками исподволь, для изучения,
Мысль пытаюсь вложить.
Красок семь так же, как смертных грехов, в одной
Связке небесной все:
Кисти, целуя, оранжевый, синий тон
Белый рождает цвет,
Морда крысиная или длина хвоста
Чёрный родят пейзаж.
В небе ль поёт, иль стонет на дне холста
Жизни нашей душа.

Диалог с киской

Тихо плачет город от дождей осенних.
Я уже не молод, но судьбой обласкан,
Сидя у окошка, я гляжу на север,
И мурлычет кошка: «Всё, что было – сказки!
Всё, что будет – сон лишь, может и не в руку,
Видишь, но не слышишь кто в снегу, как нерпа,
Кто подарит мячик, кто печаль и скуку
В угол, молча, спрячет и забьёт фанеркой».
«Киса, моя Ксения, – я ей отвечаю, —
Небо не синее, солнце не в зените...
А беда приходит – ты не замечаешь, —
Что нога в сугробе и глаза закрыты.
Кто тебя не слышит, тот в тебе всё душит,
Утопая в жиже собственных разборок,
Всё гадая ночью на кофейной гуще,
Ртом ловя порочный ветер наговоров.
А Мечта давно уж с влажными глазами,
Ходит неуклюже и не пьёт «Мартини»,
Надорвались струны арфы мироздания,
Столбик шкалит ртутный, не горят сапфиры,
Не горит лампада, радость не в утробе...
Может, так и надо? Солнце ж не в зените?
Пусть замёрзнет ночью, коль нога в сугробе,
Коль увязла прочно, и глаза закрыты?
Скоро иль не скоро: но Мечта замрёт вся,
Не снижая скорость, в горизонт воткнётся,
И не будет боле. И придёт другая:
И в глазах нет боли, но уже седая.

Если бы...

На паркете, в доме моем,
Если б был всемогущим и сильным,
Не ковер разложил, а ковром
Разложил апельсины.
На пороге чтоб онемев,
Не могла ты сказать даже слова,
Чтобы страх, чтоб восторг, чтобы смех...
Чтобы снова, чтоб всё начать снова.
Чтоб давила ты двести солнц,
Чтобы лопалось всё и бесилось
Это марево – солнца и грез,
Это месиво из апельсинов.
Чтоб покрыл этот дом туман
Утра свежести, чтоб росую
Опускался сладкий нектар
На тебя. Нет! На нас с тобою.
Чтобы рвались, как эти плоды,
Наша ссора и наши души,
Чтобы вновь мне сказала ты:
«Знала я, что ты всемогущий!»
Так сказала б мне и ушла...

.....
Вот тогда!
За любовь была б моя месть.
Мог бы, улицу, город весь
Снегом как, обложил апельсинами
Прельми! Синими!

Читая Иосифа Бродского

Я прыгал по кочкам слухов и сплетен,
Выбираясь с трудом из болот и оврагов,
Падал, вставал, посыпал голову пеплом,
Принимал участие в творческих драках,
И песни пел лихо, спорил азартно
Не спал ночами, с любой встречая рассветы,
Каялся, выл, будто волк, пятясь назад, но
Поднимался, мыл сердце, шёл на банкеты...
Казалось, солнце ещё не проснулось
Глянул в небо, а в небе давно уже звёзды,
Ткнулся в дверь лбом, вышло, в закрытую ткнулся
Кто же откроет дверь ночному гостю?
Застыл, осмотрелся, что происходит?
Пятьдесят два уже, ночью в поле прохладно,
Вспомнил о солнце, оно иногда всходит...
Стою, жду восхода, давненько пора бы
Глаза открыть мне на встречные ветры,
Коснуться солнца, в изнеможенье губами,
Крикнуть в пространство, что теперь в жизни этой
Не услышит никто от меня стенаний,
Не будет более слёз и капризов,
Я поднялся и вышел навстречу с восходом,
Встретил солнце, вдруг стал почему-то выше,
Написал стишок, и читаю с восторгом.
Дошло до сознания, сердца и мозга,
Я стал свободным, немного расправил крылья,
К солнцу взлетел, облетел синие звёзды,
Был дурак: чуть-чуть вены себе не вскрыл я.
Вошли, наконец, тишина и шёпот.
Не тлеют мысли, открылась ночная дверца,
В дом вошёл я, услышал: «Привет, пришёл, вот
Молодец, что зашёл поесть и погреться».
Теперь я понял, что Смерти нет!
Есть только Солнце, Восход и Свет!

Прогноз погоды на первое июня

Утро холодное, небо нависшее,
Мысли, как капли дождя на рассвете,
Тоже холодные, мелкие, скисшие,
Всё помещается в первый день лета.
Кто-то с утра трёт паркетные мастики,
Детский журавлик уносится в небо,
В небе тунисском флаги тунисские,
Всё помещается в первый день лета.
Ноги лениво сползают с дивана,
Приподнимаются: глазки и тело,
Хочет рот вскрикнуть: «Лету, Виват!» но,
Где оно, лето? Куда улетело?
Зябко на сердце и в небе тревожно,
В лужах нет солнца, дом обезлюдился...
Утром деревья сажают в Камбодже,
Люди труда на Багамах целуются,
Мир защищает Всемирное детство,
Вновь рассказал мне Митяев про лето,
Больше не будет тайфунов и бедствий,
Так же, как сумасшедших поэтов...
День? День – среда. Поднимаюсь с дивана,
В хлам, запихнув все соблазны, заботы,
Словно торпеда на цель, лечу в ванну я!
Первый день лета: пора на работу!

Счастье

Я полз на брюхе к одной из женщин,
Я прыгал в омут и рвался в небо,
То в телогрейке, то в модном френче
Я был с ней радом, но вместе не был,
Она изящно, в одно мгновенье
Закрыла ставни, задула пламя,
И на ночь, молча, прикрыла двери
Своих сомнений, своих мечтаний.
Любви хотела, любви желала,
Пыталась вспомнить бывшее страстно,
Рвалась на плаху своих желаний,
Но оказалось, совсем напрасно.
Вперёд смотрящий, не смотрит в землю,
Того не видит, кто на коленях
Ни в первый раз уж низвергнут ею,
Растоптан ею в одно мгновенье.
Но не жалею, что ползал рядом
И в хвое вился, порой, как змей-уж.
Не разглядела. Кто виноват в том?
Не долюбила. Так что теперь уж?
Кому я нужен, и в непогоду
Меня отмоеет и в гроб положит.
Но я был счастлив, всего с полгода,
Полгода счастья! Да быть не может!
Полгода света, полгода муки,
Полгода... вру я, немного меньше...
Но – это счастье, ползти на брюхе,
Взмывая к солнцу с одной из женщин.

Моей маме

Старый волк ночью бродит не воя, по лесу, неспешно, устало,
Он не ищет уже приключений и крови не жаждет ничьей,
Диких ос опасаясь вчерашних, что нос искусили
Не скуля, он бредёт, в ожиданье укуса недремлющих змей
Притаившихся где-то за пнями, в траве, и недремлющим оком
Начинают они, не спеша, ядовитую гонку свою,
Им нужна только мышь, им не хочется ссориться с волком,
Но, кто знает, как всё повернётся у них в полуночном бою.
Он прилёт, обессилив, уткнувшись в мох вспухшим и ноющим носом,
И увидел вдруг мать, что учила когда-то охоте его,
«Спи, мой милый сынок, не печалься, что мох стал погостом,
Я накрою тебя, согревая своим материнским теплом».
Мамка, мама моя, блудный сын ищет вновь твоё тёплое брюхо,
Что манило к себе сладким запахом нежной, молочной любви,
Позови меня взглядом, улыбкой, вновь созданным утром,
Белоснежным туманом зови и вернусь я на круги свои
В райский сад, где завистников нет, жертвы нет, нет святых, нет обмана,
Где любовь спелым цветом цветёт, я зубами сорву лепесток,
Поднесу и шепну прямо в ухо тебе: «Здравствуй, мама!»
И растает в седых облаках побеждённый собратьями волк.

Птица-ворон

Окунуться б в омут!
Улететь бы в космос!
Словно птица-ворон
Копшусь в навозе:
В мелких обещаньях,
В мелочных обидках,
Встречах и прощаньях,
Свадьбах и молитвах.
Хочется на волю,
Только в куче – пища,
И не может ворон
Взмыть от пепелища.
Так и кружит возле
Кучи, смрада, пепла...
Все его поносят,
Что виновник бед всех:
Поджигал и какал,
Что ж наделал, гадкий?
Ну, а ворон плакал
И гадал загадки,
Чем же виноват он,
Очищая землю,
Прилетев когда-то
С юга к вам на север?
Коль народ закован,
Сам собою скручен,
Пусть, уж, чёрный ворон
Покружит над кучей.

По прочтении Фредерика Стендаля

Тайно вошла в полусонный мой разум,
Всем своим видом давая понять мне,
Что простота сновидений и сказок —
Плод воспалённого воображения
Лишь моего. Попытался не сразу
Веки поднять, напрягаясь всем телом,
Выдохнул, что нецелесообразно
Гнать ту, которая с краю присела,
Женщину в чёрном, а может быть, в красном.
Может, не женщину, а привиденье
Жестом, зовущее вдаль от постели,
Взглядом манящее, сердцем орущее,
Ненастоящее и не живущее...
Как же она хороша, Боже Святой,
Боже Бессмертный, та девушка в чёрном
Или же в красном. Рука к изголовью
С тайным теплом, ворожкой непонятной,
Нежно, но властно стремится, с любовью
К векам моим, замыкая в объятьях
Горло и плоть. Прохрипевши раз пять я
Дёрнулся, стих от прильнувшего счастья,
Понял, что мозг наполняется кровью,
Сердце орехом взорвалось на части.
Две половинки: одна оказалась
В тайной руке тёплой, нимфы прекрасной
Женщины в чёрном, а может быть, в красном...
Веки открылись, но царство блаженства
Не растворилось в иллюзии страсти.
Женщина в красном – само совершенство,
В чёрной вуали – мираж сладосчастья.
– Будь со мной рядом, – шепнула в уста мне,
Тихо промолвила, внятно и чётко.
Тайно растаяв в дурмане хрустальном,
Как приходила, в красном или чёрном.

Гололёд

Гололёд. Тормоза захлебнулись надрывно от смеха,
И завыли сирены, голодными псами, навзрыд,
И душа отделилась от брэнного тела, как ветка,
Топором отделённая от корневищ вековых.
Гололёд. И дублёнка, как рыжее летнее чудо,
И как солнце, кудряшки в кругу ярко-алой зари,
И смеялось то тело когда-то, влюблялось как-будто,
И дарило надежду тому, кто устал и затих.
А сегодня оно поменялось с уставшим ролями,
Кто устал, отдышавшись, отправится дальше в поход,
И, возможно, дойдёт и сыграет ноктюрн на рояле,
Насмешив и Шопена, и в сердце своём гололёд:
Как он может играть, чем творить, коль с гармонией в ссоре?
Удивить, не способен, ползущий по льду, Агасфер,
Лишь надежда на чудо Второго пришествия вскоре
Укрепляет в нём дух и изысканность внешних манер.
Так ему и ползти: день за днём, год и век, по пустыне
Ледяной, горделивой, безжизненной, как в зеркалах,
Отражающей ночь. А кругом, только, запах полыни,
А в дали рыжий свет, а в груди только боль, только страх.
Он припал бы к кресту. Нет креста! Только в небе высоко
Светлый Лик и кудряшки в цвет лета, да кто-то поёт
Заунывную тему бродяги байкальских широт, но
Тот бежал на свободу, а этот на плаху ползёт.
И заплакал уставший, и слёзы, примёрзшие к векам,
Просветлили глаза, постаревший от скупости рот...
Улыбнулся чудак: «Всё мираж! Всё тупая потеха!»,
А виновен во всём – гололёд.

Edgar Allan Poe

I

Поплыла тюль ажурная, словно в театре кулиса,
Солнце ленно ползло, разгоня тяжёлые тучи,
Усмехаясь лукаво улыбкой недоброй скрипучей,
Рыжим носом почуяв добычу в курятнике, лис как.
Ножки стула качнулись, как под режиссёром бездарным,
Я присел на ковёр, весь трясясь от ежиного страха
В куль свернулся, затих, предвкушая душевный пожар, дым
От берлоги моей, ощущая свой собственный запах.

II

В круг, восточные девы меня потащили, танцуя,
Спели, трижды, смеясь над нарядом моим: «Аллилуйя!», —
Теребя мой колпак, что короной завис, с бубенцами,
Поглумившись, исчезли пылью в сатанинском тумане.

III

Повернувшись в ковре, я увидел оскал крокодилий,
А из пасти, как рвота, алмазы, монеты золотые,
Шарик скачет по кругу, как лошадь под ханом Батыем,
Над зелёным сукном, по полям захиревшей России.

IV

Хохоча над увиденным, кто ж усомнится – смешно ведь,
Погрузился в пустыню, где холодно и не уютно,
Жажда мучит, ломает, глаза режет хмурое утро,
Скосив взгляд, замерла, напряжённо дыша за окном смерть,
Попытался подняться, откинув бред антиутопий,
Отогнать ту, с косой, что ползёт обниматься со мною.
Но прозрев, оценил, что мои путешествия – опий:
Жизнь нельзя обменять на мираж с кружевной канвою,
Как немисливо свет загонять в чёрно-белые рамки,
Отмирает театр, если в зале отсутствует зритель,
Словно битвы солдат к монументу, к сверкающей рампе
Подхожу, опуская цветы у подножия мыслей.

Мяч не утонет, а шарик – тем более:
Выпорхнет в небо беспечный молчальник,
Вдаль унося все сомненья и боли, и
Верность перстам, что держали вначале.
В облаке чистом сотрутся сомненья,
Планы и кланы останутся в прошлом,
Даже сегодняшнее стихотворение
Цвет поменяет из ясного в пошлый.
Всё иллюзорно. Лишь светлость печали,
Тремоло смеха, мечтательность мысли,

Трель соловья, о чём в детстве мечтали —
Это останется в прожитой жизни.
А стальное сотрётся, исчезнет иль
Перетечёт из ярчайшего в блёклый:
Близким казалось, а стало далёким,
Стально-бетонное сдунулось в пыль.
Недодержали напиток коньячный,
Перетянули золота нить...
«Левая» проба и все стали нить,
Брызгать слюной и слёзой морды пачкать.
Что уж теперь извращаться, кто круче,
Кто – нос по ветру, а кто – средневздыбленный,
Облако часто становится тучей,
Смерч разносящей иль чистящей скверны гниль.
Незачем нам же оценивать нас же,
Что натворили, то в наших котомках:
Звёзды, потери, рассветы, помолвки,
Души и мысли открытые настезь...
Пусть уж другие друзья и подруги
Нас облюнжают, ревниво взирая,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.